

Я - ВОП
В ЗАКОНЕ

Николай ПРОКОФЬЕВ

Я - ВОР
В ЗАКОНЕ

ЛЕПИЛА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П80

В оформлении использована иллюстрация
художника *И. Варавина*

Прокофьев, Николай Сергеевич.
П80   Лепила / Николай Прокофьев. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Я — вор
в законе).

ISBN 978-5-699-96642-4

Если бы в далекие 1970-е молодому выпускнику военного училища Олегу Злобину сказали, что спустя годы он станет воротилой кровавого бизнеса, он бы не поверил. Как не поверил бы в то, что его, официально сменившего военную форму на одежду руководителя пацифистской организации, возьмут в разработку силовые структуры. От природы владея даром проникать в чужое сознание, новоявленный гуру моментально вычислил, что новый последователь его учения доктор Сомов — агент ФСБ, пришедший по его душу. Что ж, выбор у авторитета небогатый — сдаться на милость властям или... попытаться обратить агента в свою веру.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96642-4

© Прокофьев Н., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Самолет замер на рулежке. Замер не по своей воле. Как будто чья-то злая рука схватила в последний момент огромную стальную птицу за хвост и прижала к земле. Казалось, что и без того грустная дельфинья морда «Боинга-737» выражает сейчас необычайное сожаление: я не виноват, взлететь не могу; те, кому положено мной управлять, отстранены и заблокированы в туалете для пилотов. Выручайте, но только скорее, я хоть и железный, но тоже живой: внутри меня нарастает неукротимая страшная боль, готовая разорвать внутренности и выплеснуться наружу смрадным черным дымом или красными кровавыми подтеками.

Внешняя основательность авиалайнера, радовавшая когда-то его конструкторов и подкупавшая пассажиров, сейчас контрастировала с тем, что происходило в его чреве. Сто с лишним человек наэлектризовывали своими запуганными волями пространство салона. Не было закоулка, куда бы не проникло чувство высшей тревоги — тревоги за свою жизнь. В этот момент каждый из них понимал, что в случае катастрофы никому

не удастся спрятаться за чужую спину, никому не удастся отсидеться, отлежаться, притвориться спящим; каждый ступит на этот последний порог в одиночку, со своим ужасом и погубленным ожиданием.

...Я в очередной раз дослушал шаблонное сообщение оператора сотовой связи и нажал отбой. Здесь на командно-диспетчерском пункте аэропорта было тревожно и сосредоточенно не весело. Кроме штатных диспетчеров, обслуживающих полеты, в стеклянной голове сооружения собрались все те, кому положено разруливать подобные ситуации. Из знакомых — мой давний друг майор Володя Коновалов и... пожалуй, все. Остальных я видел впервые.

Руководил операцией полковник ФСБ Левашов, немолодой, но еще крепкий человек с аккуратными залысинами и строгим волевым лицом. Сейчас он сосредоточенно смотрел в экран монитора, словно прожигал пространство и дюраль фюзеляжа в надежде различить среди испуганных пассажиров тех самых негодяев, которые стали причиной ЧП.

— Молчат? — Голос полковника полностью соответствовал его внешности — такой же строгий и граненый какobelisk.

— Молчат, — односложно ответил я и добавил: — Порядки свои наводят.

— Уже навели. Сколько человек прошли регистрацию?

Диспетчер щелкнул мышью:

— Сто двадцать пять. Мы проверили: никого, кто бы проходил по ориентировкам...

— Ни по паспорту, ни по лицу, — попытался пошутить Коновалов, но, похоже, не к месту.

— Это ничего не значит. — Левашов поморщился, выказывая недовольство: выводы здесь делаю я, ваше дело подчиняться.

Я единственный, кто заметил его реакцию. Нервничает, не уверен, надо бы помочь успокоиться. Хотя, нет, не надо показывать полковнику свои наблюдения, не надо лезть в область личных переживаний, он сейчас главный, пусть руководит.

Я отвернулся к окну. Блестящая, словно надраенная, тушка самолета стояла на прежнем месте, там, где ее застигло несчастье. Мне показалось, что самолет даже немного присел, опустился на колени, готовый то ли сдаться и окончательно лечь на землю, то ли неожиданно воспрять и ринуться в небо.

Ранние сумерки оттеняли пространство за огромными окнами КДП. Словно на невидимом порубежье встретились в этот час извечные противники: добро и зло. Там, на рулежке, страшное и непредсказуемое, крепко прищипленное к земле иглами прожекторов затаилось зло. Здесь же, в освещенном помещении диспетчерского пункта, в свете теплых ламп царило добро, здесь собирались с силами былинные

богатыри, принявшие вызов темных законных сил — полковник Левашов, опер Коновалов, офицеры, диспетчеры... И еще один — немного неуместный в этой компании — Сергей Иванович Сомов. Вот он смотрит на меня отражением в туманном стекле: крепкая загорелая шея, строгие, почти правильные черты лица, светлые немного волнистые волосы и голубые глаза. Впрочем, то, что они голубые, в отражении не видно, но я знаю это точно. Знаю, потому что Сергей Сомов — это я, врач-психиатр, без малого сорока лет от роду. Готовлюсь в любой момент вступить в поединок с террористами, захватившими лайнер. А пока исполняю среди «богатырей» роль Алеши Поповича — снимаю психологическое напряжение, пытаюсь что-то советовать — работаю, словом.

Я невольно усмехнулся: «Ну и фантазии! Прямо поэтические».

Из пелены размышлений и табачного дыма меня вырвал все тот же командный голос:

— Сомов, ну что же вы? Продолжайте дозваниваться, время на их стороне. Долбите, когда-нибудь отзовутся. Действуйте!

Я в очередной раз нажал значок вызова. С этого номера час назад на личную трубку одного из диспетчеров пришла эсэмэска: «Самолет захвачен. Не делайте глупостей. Экипаж блокирован. Готовьте два ляма евро и коридор до Стокгольма. На все два часа, потом — бойня».

Номер тут же проверили. Корпоративная симка обанкротившейся год назад торговой фирмы «Супермастер и Ко». Кому конкретно из сотрудников принадлежала, выяснить не удалось.

...Настойчивый стук в дверь разбудил меня в пять часов утра. «Ну, кто там в такое время? Воскресенье же!» Не было в тот миг человека более рассерженного, чем я. Сидя на кровати, я пытался прийти в чувство. Конечно же, я умею быстро приводить себя в полноценное рабочее состояние, есть у меня один верный способ — контрастный душ. В принципе процедура известная, но только пользуются ей не всегда правильно. Обычно горячую и холодную воду пускают попеременно. Я же, стоя под душем, делаю так, чтобы холодная шла постоянно, а горячая лишь изредка дополняла ее. Но — только дополняла, не меняя холодного тонуса. Эффект практически моментальный.

Но это — если нужно быстро ожить. Сейчас же, пребывая в тягучей полудреме, я не спешил в ванную, больше всего меня интересовало, кто же все-таки там, за дверью. Стук не смолкал. Дверной звонок я давно снял, он почему-то раздражал меня, наверное, из-за того, что напоминал мою прежнюю, семейную жизнь.

Прошло не больше минуты, когда к стуку неожиданно и очень резко добавился телефонный звонок. Коновалов! Володя жил в соседнем подъ-

езде, мы дружили со школы, часто ходили друг к другу в гости, иногда засиживались допоздна. Но что б в такое время... Что-то случилось...

— Алло, — хриплым со сна голосом буркнул я.

— Открывай быстрее.

В том, что произошло что-то неординарное, я убедился, как только увидел оживленное и немного испуганное лицо майора. Коновалов начал прямо с порога:

— Собирайся, едем в Шереметьево! Террористы захватили самолет. Через стюардессу выманили обоих членов экипажа из кабины, где-то заблокировали, летчики перестали выходить на связь. Угонщики затребовали контакты с кем-нибудь из диспетчеров. Теперь выходят на связь по мобильнику.

«Ничего себе утро!»

— Что они хотят?

— Как всегда: деньги, два миллиона евро, и коридор до Стокгольма.

— А почему до Стокгольма?

Коновалов пожал плечами. Я потихоньку приходил в себя:

— А чем, собственно, я могу?..

— Как чем? Ты же профессионал по работе с разным неадекватом. Нужен переговорщик, надо убедить этих отморожков отпустить людей, там больше сотни пассажиров! А дальше — дело техники. Нас всех подняли по тревоге. Аэропорт

оцеплен, спецназ на низком старте. Сам Левашов, главный фээсбэшник, распорядился насчет тебя. Я посоветовал. Так что выручай. Меня за тобой и послали. Решили, что не откажешь.

Я посмотрел на майора с чувством неоплаченного долга.

— А штатный переговорщик? Я слышал, есть такие...

— Нету, вчера убыл куда-то в командировку, как назло, именно сейчас. Давай собирайся, поехали. Бандиты дали два часа.

— Давно?

— Что давно?

— Дали давно? Сколько осталось?

— Точно не скажу... Но в любом случае — цейтнот.

— Зачем было приезжать? — Недовольство неожиданным визитом все еще не покидало меня. — Нельзя по телефону, вдруг я не один?

— Ну ты даешь, — хмыкнул майор. — Что я скажу: Сергей, бери такси, приезжай, у нас ЧП? А вдруг не дозвонюсь? А насчет любовницы... — Он на всякий случай заглянул через мое плечо, — я тебя знаю: ты не из этих. После Людмилы...

— Ну, ладно, хватит. Сколько террористов — удалось установить?

— Я уезжал — не было известно. Бригада на месте работает. Доклад — лично замминистра.

Я прошел на кухню, взял чайник.

— Есть будешь?

— Да какое есть?! Некогда!

Да, это я сглупил. Сплю еще. Цейтнот! Обойдемся водой. Кстати, стакан теплой воды натошак сразу же после пробуждения — очень полезная вещь. Японцы, например, поголовно следуют этой привычке, потому, наверное, и живут так долго. Вот перейду на воду и проживу сто лет!

Наскоро умылся, оделся. Захлопал кухонными шкафами в поисках сигарет. Вот еще привычка. Хм, я тоже заложник. Все собираюсь бросить и — никак.

Значит, сто лет не получится...

Оглянувшись в прихожую: Володя делал вид, что разглядывает настенный календарь...

В кабинке лифта я немного замешкался. Коновалов быстро вдавил цифру «один», лифт со скрипом поехал вниз.

Со мной такое бывает: делаю одно, а мысли работают в совершенно другом направлении. Нет, если нужно сосредоточиться, я действую безукоризненно. Но сейчас, заходя в кабинку лифта, я мысленно был уже там, на аэродроме, в гуще событий; я уже придумывал, как влезть в душу этим негодяям, какой метод выбрать.

Майор продолжал информировать:

— На видео из терминала ничего подозрительного, все чисто. Личный досмотр тоже — без эксцессов. Может, блефуют, а может, и нет — черт их знает...

Мы сели в машину, немного попетляли по пустым улицам и выскочили на Ленинградку. Погнались, нарушая правила. После знаменитых «Ежей» свернули направо. Я окончательно проснулся, начал мыслить ясно и логично:

— Деньги наличными?

— Нет, конечно. На счет.

— Самолет?

— «Боинг-737», компания «Аэрофлот — Российские авиалинии», рейс до Санкт-Петербурга.

— Потребуется быстрый доступ в Интернет и компьютерщик экстра-класса.

— Уже на месте. Зовут Влад. Самый продвинутый, к тому же хороший знакомый Левашова. — Коновалов усмехнулся, на секунду отвлекаясь от дороги. — Мы этого Влада недавно в разработку брали: он было непотребные сайты стал штамповать. Ну, мы его и прихватили. Дошло до ФСБ, там его Левашов и обработал. Теперь они лучшие друзья...

В предутренних сумерках широкая лента темно-серого шоссе напоминала стремительно мелькающую кинолентку.

Гудки, гудки...

И вдруг, как гром среди ясного неба:

— На связи!

Все, кто был на КДП, моментально поняли по моей реакции, что я дождался-таки ответа, дернулись и замерли в едином порыве. Обратились

в слух, замахали друг на друга руками, призывая к тишине. Левашов щелкнул в направлении меня пальцами, указывая на трубку. Я понял, он просит дать громкую связь. Судорожно нашел нужный значок на дисплее телефона, ткнул в него пальцем. Тишина стала невыносимой. Секунды ринулись, как спринтеры со старта. Полковник сверлил меня победитовым взглядом, ожидая чуда. Я почувствовал, как покрываюсь испариной. Как ни ожидал я услышать голос террориста, случилось это в прямом смысле внезапно.

— Алло, КДП на связи, — проговорил я первое, что пришло в голову, только чтобы не дать сорваться абоненту.

— Борт смертников хочет уточнить: выполнены ли наши условия. Время истекает.

Он еще шутит: «борт смертников».

— Процесс идет, — уже более уверенно ответил я, стараясь зацепиться за ироничный тон, заданный бандитом.

— Ваш «процесс» давно живет в Германии и в ус не дует. Деньги готовы?

В голосе напряжение. Значит, человек контролирует каждый свой шаг, выверяет ответы, подбирает слова — признак самодисциплины и замкнутости.

— Первый миллион переведен на указанный счет. Можете проверить.

— С кем я говорю? — Голос в трубке насторожился. — Где прошлый собеседник?

— Говорит штатный психиатр. Фамилия моя Сомов. Прошлый собеседник здесь, рядом. Ждет от вас адекватной реакции. Как к вам обращаться?

— Мясник.

Связь прервалась.

«Ничего себе заявка — Мясник — ни много ни мало!»

— Проверяет деньги, — прокомментировал кто-то из оперативников.

Левашов обернулся к Владу:

— На чье имя открыт счет?

— Агафонова Инна Петровна, 1955 года рождения.

— У нас на нее есть что-нибудь? — Взгляд на одного из подчиненных.

— Москвичка, работала лаборантом на кафедре МАИ, вдова (муж — капитан ВВС погиб при испытании самолета), недавно потеряла дочь, живет одна, пенсионерка.

Полковник насупился, посмотрел на Влада:

— Пробей пассажиров на предмет «мяса»: работают в сфере питания, в продовольственных магазинах, имеют свое подсобное животноводческое хозяйство, живут на улице с «мясным» названием типа Коровинского шоссе, созвучные фамилии...

— И похожие ники в соцсетях, — вставил я и поймал на себе суровый взгляд Левашова: не суйся, пока я не закончил. — Извините, товарищ полковник, но это важно.